

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва

Акцентуация глагола *быть* в русском стихе*

Славы, *дóбытой* когда-то,
Корпус твой не растерял.

Иосиф Уткин, 1943

В статье пойдет речь о наблюдаемых на материале русского стиха XVIII–XIX вв. (по поэтическому подкорпусу Национального корпуса русского языка) акцентных свойствах форм глагола *быть* и лексикализовавшейся частицы *было*, а именно, об употреблении их в качестве энклитик, о переакцентуации форм типа *былó*, *были́* (украинско-белорусского типа) и *бы́ла* и сочетаний типа *не бы́л*, *ни бы́л*, а также об акцентуации форм приставочных глаголов типа *забыть*, *добыть*, *прибыть*. Обращение к материалу поэтических текстов для исследования истории ударения — уже давняя и успешная традиция, ср., например, [Воронцова 1979], где показания стиха используются для истории подвижного ударения в русском словоизменении, включая и формы глагола *быть* с его производными. Примеры из этой замечательной работы, однако, не всегда легко проверить, поскольку контексты по условиям объема приводятся редко. Очень важен и словарь [Еськова 2008], плод труда нескольких десятилетий, где использован огромный материал поэтических текстов XVIII–XX вв. и приведены соответствующие цитаты. В этой книге подробно изложена историческая акцентуация многих русских глаголов (в частности, на *-ать*, *-еть*, *-нуть*),

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (36 П). Благодарим А. А. Зализняка, В. А. Плунгяна, Н. А. Седукову и М. А. Холодильову за обсуждение сюжетов и/или текста работы.

но глагол *быть* и его приставочные производные не рассматриваются.

1. Поэтический текст как акцентологический материал

Обращение к материалу поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка позволяет при помощи удобного инструментария поисковых запросов (поиск с учетом расстановки иктов) быстро обнаружить интересующие нас словоформы с «нестандартной» акцентуацией. Очень хороший очерк акцентологических возможностей поэтического корпуса и возникающих в связи с этим неоднозначностей предложен К. М. Корчагиным [2008]; изложим основные положения, важные для наших целей (выявление не только ударений, но и энклитик).

Разумеется, в корпусе указаны не реальные ударения, а именно икты, или сильные места стихотворной строки, на которые может приходиться ударение любого фонетического слова (на последнем сильном месте строки — «ударной константе» — ударение обязательно), и слабые места, на которые может приходиться ударение только такого слова, безударные слоги которого не занимают соседних сильных мест (правило «запретной переакцентуации», в некоторых типах стиха нарушаемое и дающее так называемые «перебои»). Как уже давно известно, различные размеры и различная позиция слова в строке для определения места ударения информативны в разной степени. Так, если в двухсложном силлаботоническом размере некоторый слог двухсложного орфографического слова, в принципе подверженного энклитизации, попадает на сильное место (не считая ударной константы): *Им жить было — а мне зачем / Влачить век мрачный, скучный?* (В. Капнист, 1814–1821), то это слово может либо иметь ударение (обычное или второстепенное; к сожалению, возможности поэтических текстов для определения второсте-

пенного статуса ударения весьма ограниченны) на сильном месте (*жѣть было*), либо быть безударным (*жѣть было*). Возможно и то, и другое: как увидим ниже, в конструкции «Д. + *было* + инфинитив» *было* выступало в качестве энклитики, и в то же время у украинца Капниста данная словоформа заведомо могла быть представлена с окончательным ударением, как это видно в однозначном из-за ударной константы и рифмы примере из этого поэта: *Я поверила, — не можно / Усумниться мне было́: / В нем, казалось, неложно / Сердце клятву изрекло* (1814).

Вариант с перебоем наименее вероятен; его имеет смысл рассматривать только для авторов, о стихе которых известно, что они такие перебои допускали, например, *Нѣ был ли принят в счет щедрот* у Брюсова (1920); известно, что поздний Брюсов экспериментировал с перебоями, причем именно в ямбе, именно в первой стопе и именно с вопросительной интонацией (неоднократно цитируемое стиховедами начиная с Жирмунского *Тайна? Ах вот что. Как в романе. Я...* [Гаспаров 1984/2002: 235]). Другой такой класс текстов — «народный» хорей с перебоями в первой стопе украинского типа, см. в разделе 3.1 о примере из Багрицкого и в 3.2 о примере из Кольцова.

Для трехсложного слова в двухсложном метре, попавшем на два сильных места, уже допустимо ударение на любом из этих мест, а также безударность (хотя последняя для таких длинных слов встречается редко), поэтому, например, для выбора между *праотцы́* (ударением пушкинской эпохи) и *пра́отцы* (ударением XX в.) требуется трехсложный метр и/или ударная константа (или еще, например, написания типа *праотцов* vs. *праотцев*, которые, впрочем, в орфографии как оригиналов XVIII–XIX вв., так и тем более переизданий XX в. не являются стопроцентным свидетельством).

Трехсложный размер в ряде отношений более информативен: в русской поэзии пропуск схемного ударения в трехсложниках и образование так называемого трибрахия —

сравнительно редкое явление. Поэтому для амфибрахической строки А. К. Толстого *Тебе не было бы того же!* наиболее вероятная интерпретация — ударение на второй слог украинско-белорусского типа (*было́*); вариант *Тебе́ не́ было бы того́ же* предполагает сразу за сверхсхемным ударением еще и пропуск схемного (запретную переакцентуацию, или перебой), что для трехсложников Толстого не характерно. То же можно сказать и об информативности текстов, где последовательно выдерживается пеонический ритм (4-сложная стопа; ср. *Это было́... Нет, ужé не помню да́т: / Это было́ двадцать лёт тому наза́д* Л. Алексеевой, 1971) и тем более о «кольцовских пятисложниках». В то же время в силлаботонических метрах, на слабые места которых помещается двухсложное или более длинное слово, увеличивается число полностью неопределенных случаев, при которых данное слово может быть и безударным, и нести сверхсхемное ударение на любом из слогов: ср. *было* на анакрусе в анапесте Б. Поплавского: *Было́ много народу и звёзды горели в курзалe* (1930).

Информативность тонического стиха (дольника, тактовика, акцентного) зависит от ритмики конкретного текста, но в целом, конечно же, ниже, чем для силлаботоники; бо́льшая степень свободы в схеме допускает часто выбор между несколькими отвечающими ей ударениями (ср. одинаково возможное ударение *Там солдаты в шёлковых кафтанах* или *Там солдаты в шелко́вых кафтанах* в тактовике Пушкина). Даже силлабический стих, как мы несколько раз увидим ниже, не является совершенно бесполезным материалом для исторической акцентологии. Не говоря об ударной константе и рифме, играющих в силлабическом стихе важную роль, информацию о просодическом устройстве текста может нести также само деление на строки. При этом необходимо учитывать нередкую искусственность ударения и фонетики в русской силлабике, испытавшей сильное польское и украинское влияние (подробнее см. [Панов 1990] и особенно [Корчагин 2008]).

Сопоставление частотности тех или иных слов на слабых и сильных местах стиха может дать определенное заключение о степени их ударности в языке даже в формально неоднозначных случаях (например, словоформа *был* попадает на слабое место вчетверо чаще, чем *мир*, и в полтора раза чаще, чем *стал*, см. ниже, 3.3 и 3.5). При диахроническом анализе надо учитывать также историю русского стиха, например, общее увеличение числа слабых позиций в связи с экспансией трехсложных размеров в XIX в. (см. там же), а также различную ритмику размеров: например, в хорее ударность односложных слов существенно выше, чем в ямбе (для *есть* 25% слабых мест в хорее и 46% в ямбе, для *быть* 20% и 35% соответственно). Надежно судить об ударности или безударности односложных слов можно лишь по ударной константе (клаузуле), между тем, например, окончания строк типа *должно́ быть* или *то́ есть* возможны или в белом стихе, или как составная рифма, до второй половины XIX в. малоупотребительная.

Помимо собственно данных стиха, исследователю могут помочь расставленные автором ударения, дефисы, буква *ѣ*, ряд других орфограмм типа *праотцов*, — однако эта информация, во-первых, обычно весьма скудна (ценные тексты вроде гекзаметрической «Тилемахиды» Третьяковского, где многие клитики присоединены к опорным ударным словоформам дефисами, могут быть только индивидуальными авторскими экспериментами), во-вторых, для ее использования обязательно обращение к прижизненным изданиям или рукописям, а не к переизданиям XX в., в которых такие элементы оформления текста не соблюдались или даже приносились издателями.

Как увидим ниже, выявляемая на основании данных стиха акцентная информация взаимодействует с семантической и может подсказывать ту или иную грамматическую интерпретацию соответствующего контекста.

2. История акцентуации глагола *быть*: общее, основа презенса и будущего

Ряды супплетивных форм, на которые распадается парадигма глагола *быть* (*быти*), исторически имели различные акцентные парадигмы: основы презенса (*еси́, есвѣ*) и основа инфинитива/прошедшего времени (*нѣ былѣ, зѣбылѣ, нѣ забылѣ, былá, бѣло...*) — акцентную парадигму *с*, основа будущего времени (*бѹду, бѹди...*) — акцентную парадигму *а* [Зализняк 2011: 140]. Ударение инфинитива (*бѣти* вместо ожидаемого *быти*) — результат исключения, действующего для *а*- и *і*-глаголов, а также корневых глаголов на *-ити*, *-ыти* и глагола *дати* [Зализняк 1985: 143–144]. Уже в самом старом акцентуированном памятнике, Чудовском Новом Завете XIV в., отражается ранний перенос ударения на окончания причастий [Там же: 144–145] (*сущѣ, бывшій* вместо реконструируемого для более раннего этапа *сѹще, бѣвшію*).

Формы презенса этого глагола, которые выступали в качестве связки, еще в древнерусский период входили в систему энклитик [Зализняк 2008], а затем большинство презентных форм вообще исчезли из живого языка. Словоформа *есть* в русском стихе (сохраняющаяся в языке, прежде всего, как полнозначная, в значении ‘существует’, ‘имеется’) в большом проценте случаев попадает на слабое место в стихе, однако этот процент сильно зависит от конкретного размера и особенностей его ритмики: достаточно сказать, что в хорее этот процент равен 25%, а в ямбе 46%, вероятно, в связи с большим числом *есть* на первой стопе ямба (типа тютчевского *Есть в прелести осенних вечеров...*; в этом случае речь идет, вероятно, не о проклитике, а о полноценном или второстепенном ударении); данный вопрос нуждается в отдельном исследовании. Заведомо безударное *есть* в клаузуле встречается начиная с 1858 г. (Ал. Жемчужников, рифма *то́ есть : со́весть*), всего 14 раз, в половине случаев имен-

но в сочетании *то́ есть* (где *есть* в слабой позиции находим уже у Тредиаковского). При этом акцентуация *то́ есть* либо безударность всего сочетания (в значении союза; *То есть, умел судить о том, / Как государство богатеет* у Пушкина) представлена десятки раз, от Богдановича (1761) до Луговского (1943). Связка *суть* (после 1820-х гг. употребляющаяся очень редко) в 47% случаев находится на слабом месте (в том числе как проклитика: *Опасность, кровь, разврат, обман — / суть úзы страшного семейства*, Пушкин); характерно, что из 16 примеров заведомо ударного *суть* в мужской рифме половина приходится на произведения Тредиаковского.

Используя ушедшие из русского языка формы парадигмы настоящего времени, поэты ориентировались на церковнославянский язык, в котором (в отличие от живого древнерусского) эти формы обычно были полноударными (об этом см. [Зализняк 2008]). Словоформа *есмь*, не считая мелопеи Вяч. Иванова «Человек» (в которой формы *есмь* и *еси* употребляются очень часто, не только как глагольные, но и субстантивно, как обозначения неких олицетворенных начал), встретилась 37 раз, из них 10 — в слабой позиции. Характерно, что из 11 случаев энклитизации формы *еси* (не считая повторяющихся в одном произведении строк) 9 случаев приходится на сочетание *гой еси*, идущее не из церковнославянского языка, а из фольклора (отмечено в стилизациях былин и балладах с древнерусским колоритом начиная с преромантика Н. Львова, 1796), впрочем, при этом почти столько же раз (8 раз без повторов) *гой еси* представлено и с сильным местом на последнем слоге (от Кюхельбекера вплоть до *Гой еси ты, славный Автодор!* у Светлова, 1928). Кроме того, известно два примера аналогичной формы 2 л. мн. *гой есте*, причем один раз заведомо с безударной связкой (в дактилическом белом окончании у Востокова, 1802), во втором случае это тоже высоковероятно (трехударный тактовик Сельвинского в

«Улялаевщине», 1924: *Ой вы го́й есте, господá-товáрищи*); вне этого сочетания форма *есте* не встретилась. У Тредиаковского представлено инновативное ударение *éсмы* в женском окончании белого силлабического стиха («Стихи... Анне Иоанновне при слове похвальном», 1732).

Формы будущего времени, как представляется, устойчиво сохраняют историческое ударение и в современном языке не подвержены изредка представленной в среднерусских памятниках переакцентуации типа *буду́*; в образованном от этой основы императиве безударный гласный утрачен (*бу́ди > будь*), в деепричастии — только ударение *бу́дучи*. Несмотря на то, что уже с XVI–XVII вв. формы типа *буду* стали вспомогательным показателем аналитического будущего времени несовершенного вида, однозначных примеров их перехода в статус энклитики в той или иной функции немного (на первые два наше внимание обратила М. А. Холодилова): *Я тебя, мой свет, вове́к буду любить* (Сумароков, 1770), *Восле́д будет она шагов твоих итти́ть* (Дмитриев-Мамонов, 1771); *Во аде съединен о́пять буду с тобой* (тот же текст), *Для тебя́ будет накладно* (Некрасов, 1840), также как проклитика: *Не в нашей мочи / Е́го нагна́ть / Он среди ночи / Будет блужда́ть* (Поплавский, 1933–1934; возможен перебой); есть еще несколько сот примеров форм типа *буду* на слабых местах (в основном в анакруссе) трехсложных размеров, кольцовских пятисложников и в тоническом стихе, но все они допускают и сверхсхемные ударения.

Наибольший интерес представляют формы, образованные от основы инфинитива/прошедшего времени, в силу достаточно широко представленных в них явлений энклитизации и переакцентуации.

3. Основа прошедшего времени

3.1. Приставочные глаголы

В русском языке уже с XVII–XVIII вв. началось изменение акцентного статуса приставочных глаголов с корнем *быть*¹, продолжающееся до настоящего времени². Все они (как и другие русские приставочные глаголы) рано перестают переносить ударение на *не* и *ни* (ср. древние *не прибыль*, *не убыло*), часть глаголов — также на приставку (ср. древние ударения *забыль*³, *избыль*, устаревающее *добыл(-и, -о)*). Хотя уже в 1809 г. второе издание Словаря Академии Российской рекомендует для *добыл* только корневое ударение [САР II 1809: 108; Воронцова 1979: 173], в поэтическом корпусе встретилось 24 вхождения *добыл(-и, -о)* у 8 поэтов 1815–1936 гг. (неоднократно такое ударение используют Катенин, Некрасов, Суриков, Майков; у Багрицкого и Васильева представлены оба варианта) при 29 вхождениях *добыл(-и, -о)* у 21 поэта 1823–1972 гг. В мультимедийном корпусе (1930-е–2000-е) представлено только новое ударение *добыл(-и, -о)*. Особо стоит книжно-архаичный глагол *пребыть* с церковнославянской приставкой, начальное ударение в котором Л. А. Булаховский рассматривал как искусственное [Ворон-

¹ Здесь и далее не рассматривается глагол *выбыть*, имеющий всегда начальное ударение (приставка *вы-*, за небольшими исключениями, в современном языке всегда ударна).

² Схожую акцентуацию в современном языке имеют «глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *-чать*, *-нять*, *жить*, *лечь*, *пить*, *клясть*, *мереть*, а также глаголы *передать*, *перенять*, *пережить*, *перемереть*, *запереть*, *отпереть*, *пробыть* (о часах)» [Зализняк 1985: 18–19]; для них характерен «маргинально-подвижный» тип ударения (*пробыл – пробыла*), в большинстве случаев наряду со «смежно-подвижным» (*пробыли*). Об истории акцентуации таких глаголов по данным русского стиха, см., в частности, [Воронцова 1979: 172 и сл.].

³ Уже в акцентуированном автографе протопопа Аввакума представлено новое ударение *забыль* (при старом *добыль*); свидетельство древнего подвижного ударения — *забвенá* в Чудовском Новом Завете [Зализняк 2011: 140].

цова 1979: 177]; современные словари, в которых он присутствует, рекомендуют ударение *прéбыл(-и, -о)*, *прéбыла́* [Зализняк 1977: 776]. Корпус дает 8 примеров *прéбыл(-и, -о)* от Сумарокова (1768) до Мея (1855) и позднего Вяземского (1861) и 5 примеров *прéбыл(-и, -о)* от Кострова (1787) до Бальмонта (1917).

В [Аванесов, Ожегов (ред.) 1959] отмечены *отб́ыл, поб́ыл, приб́ыл, проб́ыл(-и, -о)*, сопровождающиеся неопределенной с точки зрения нормативности пометой «разг.» (об этом см. [Воронцова 1979: 180]); в [ОС 1983] нормативные рекомендации сделаны четче и даже несколько ужесточены: *приб́ыл* — «не рек.»; *поб́ыл, проб́ыл* — «доп.», а что касается глагола *отбыть*, то словарь 1983 г. (в отличие, например, от [Зализняк 1977]) предписывает акцентное разграничение значений ‘отправиться в путь’ и ‘исполнить повинность’ (*отбыть номер, срок*): в первом случае рекомендуется акцентуация претерита *отб́ыл(-и, -о)*, а во втором — *отб́ыл(-и, -о)*⁴. Ударение *приб́ыл* три раза встречается в поэзии середины XIX в. (у Огарева, Сниткина, А. К. Толстого), а в [Воронцова 1979: 176] указано и на более ранний пример из Крылова; ударение *проб́ыл* — в бунинской «Песне о Гайавате» (1903).

Ударность окончания *-а* в прошедшем времени утрачена у *забыть* и глаголов с двумя приставками: производных от *забыть* (*позабыть, подзабыть* и др.) и слова *раздобыть*. Однако еще у Щепкиной-Куперник в 1907 г. читаем: *Благодаря московским связям / Марьянне вид раздобыла́*.

Ударность окончания в форме ж. р., по крайней мере в просторечии, варьируется у ряда других глаголов (*изб́ыла, отб́ыла, поб́ыла, приб́ыла, проб́ыла, сб́ыла, уб́ыла* отмечены в [Аванесов, Ожегов (ред.) 1959] и [ОС 1983] с пометами соответственно «не» и «неправ.», для *доб́ыла* во втором

⁴ Данные мультимедийного корпуса показывают, что ударения *отб́ыл* (гораздо более частотное) и *отб́ыл* встречаются в речи кино 1930–2000-х гг. при обоих значениях глагола и никакой значимой корреляции не усматривается.

словаре смягчено с «не» до «не рек.»). *Избы́ла* представлено в поэтических текстах у Городецкого (1905), *у́была* — у Хармса (1926), *добы́ла* — у Мея (1850–1856) и Антокольского (1939–1940).

Нормативно сохраняется ударение на *-бы́ть* в инфинитиве (*прибы́ть, раздобы́ть, убы́ть* и т. п.), контрпримеров в поэтическом корпусе не обнаружено; об энклитизации бесприставочного инфинитива *быть* см. ниже (3.5).

Большинство причастий и деепричастий от глаголов на *-быть* в современном языке имеют нормативное неподвижное ударение на корне (*забы́тый, избы́тый, прибы́вший, добы́в* и т. п.). Однако ср. *до́быт(-ы, -о)* (историческое ударение) и «допустимое» *до́бытый* (инновация) наряду с *добы́т, добы́тый* в [Аванесов, Ожегов (ред.) 1959] и [ОС 1983], *избыта́* (историческое) наряду с *избы́та* в [Зализняк 1977: 776], деепричастие *прибы́вши* наряду с *прибы́вши* в [Огиенко 1911: 76]. В поэтических текстах встретились архаичные ударения: *За́быв стройное теченье* (Радищев, 1798–1799; у Радищева встречается и *забы́в*), *Сужденья черпают из забы́тых газет / Времён очаковских и покоренья Крыма* (Грибоедов, «Горе от ума» — текст, как известно, замечательный сохранением весьма древних акцентных норм); *Сотворить молитву забы́тую хочет* («Русалка» Мея, 1850–1856; в этом же тексте новое ударение *добы́ла*, см. выше). Интересно, что три примера приходятся на глагол *забыть*, раньше всего утративший древнее подвижное ударение в л-формах. В XX в. встретилось *На земле с нами про́быв, / Укажи беспорядок* (рифма: *хлеборобов*; Корнилов, 1933–1934). В примере *Пре́бывшей ей в острове Родосе* (Третьяковский, 1752) еще возможно ударение на флексии (об особом статусе глагола *пребыть* см. выше); но в примере *с Фонтана прибы́вшие рыбаки* (Багрицкий, 1924) ударение несомненно на приставке.

Отмечен ряд примеров начального или флексийного ударения в страдательном причастии от глагола *добыть*.

Ударения, совпадающие с древними: *Да кровавым потом добыто* (Козырев, 1872), *Да, трудами не малыми добыт / златокудрой Елены возврат* (С. Соловьев, 1906; рифма: *обод*), *То, что добыто разбоями* (Мандельштам, перевод из Важи Пшавелы, 1920-е), *Ты у жизни мною добыт* (рифма: *чтобы*, Берггольц, 1936), *Чтоб был Сатурн в минуту добыт* (рифма: *робот*, Эренбург, 1958; у него же в стихах последних лет, 1964–1966, словоформа *добыто* еще два раза рифмуется с формами слова *робот* и один раз с *расхлёбывать*, при том что у раннего Эренбурга дважды встретилось *добытые*). Строка *Добыт за Ваняркою* из «Думы про Опанаса» Багрицкого не показательна из-за большого числа перебоев в первой стопе, ср. *Он гладит красотку, добытую с бою* в его же «Веселых нищих». Инновативные ударения (во всех случаях дактилические окончания): *Бердышом и мечом с поля добытым* (Мей, 1858), *От болгар в самой Индии добытый* (он же, 1859), *Впору добытый* (Дрожжин, 1886), *Медвежьёю силой / И сталью ножа / Любимая девушка добыта* (Корнилов, 1926; рифма: *топота*). Неоднозначные случаи (ударение на флексию — старое, на приставку — новое; всюду, кроме примера из Минского, ввиду отсутствия однозначных старых ударений в полной форме и сравнительно поздних датировок, более вероятна инновация): *Добытые мысляю своей* (Некрасов, 1851), *А мрачная свобода, / Что кровью добыта...* (Минский, 1879), *Воздух и окошко, добытые с боя* (В. Соловьев, 1890), *Вернуться с добытой уздой* (Е. Дмитриева / Черубина де Габриак, перевод «Мула без узды», 1923), вынесенный в эпиграф пример из Уткина (1943). Всего после 1850 г. на 18 примеров некорневого ударения в этом причастии приходится 42 примера ударения *добыт-*, причем, так же как и с колебанием ударений в финитной форме *дббыл/добыл*, у ряда поэтов (Некрасов, С. Соловьёв, Эренбург) представлены оба варианта.

3.2. Полнозначное *быть* и выравнивание ударения

На восточнославянской территории обозначилась, кроме того, тенденция к выравниванию ударения в претерите бесприставочного *быть*: от исходного (и сохраненного литературным русским) *была́, было́, бы́ли* система могла перейти как к последовательному конечному ударению (бел. *была́, было́, былі́*, укр. *була́, було́, були́*, рус. диал., в основном южное, *было́, былі́*⁵), так и к последовательному корневому (ср. *бы́ла* в ряде русских говоров — западных среднерусских, онежских [Касаткин (ред.) 2005] — и региональном просторечии). Акцентное выравнивание отмечено у поэтов XVIII–XIX вв. и для других глаголов (ставшее литературным *дало́*, также *облило́, звало́, прослыло́, кляли́, воззв́ала, изли́ла, сви́ла* и др. [Воронцова 1979: 184–185]); конкретного диалектного субстрата для подобных фактов искать не обязательно.

В поэтическом корпусе можно указать несколько примеров формы *было*, где вероятность переноса ударения на последний слог кажется сопоставимой с вероятностью перехода глагольной формы в статус энклитики. Это, прежде всего, относится к случаям, когда перед нами полнозначное (не связочное) *быть* ‘существовать’, ‘иметь место’, ‘находиться’, например: *С любовниками их общение всегдашнее, Которо при струях было во дни красны* (Поповский, 1750–1751), *Скажи мне, что б было с невинными овцами* (Гнедич, 1804), *Сколь мужей было великих* (Державин, 1807), *Было б оружие им да воля / Громить, расстреливать и жечь* (П. Васильев, 1935–1936; если слово *было* здесь безударно, то оно проклитика, что нетипично), в том же тексте Василье-

⁵ Ср. примеры из мультимедийного корпуса: [Попандопуло, Михаил Водяной, муж, 43, 1924] *А то я тебе оторву голову [у́олову] и скажу / что [шо] так и было́ [Андрей Тутышкин и др. Свадьба в Малиновке, к/ф (1967)] или [Дядька Рубеж, Владас Багдонас, муж] *Не было́ б его́ / и мы с тобою не познаёмлися б [Элем Климов, Алесь Адамович. Иди и смотри, к/ф (1985)]; в последнем примере стилизуется белорусская «трасянка».**

ва со значением связки: *Совсем оно было мертво*. Особые основания усматривать перенос ударения на последний слог — у авторов, происходящих из соответствующих диалектных зон: украинца Гнедича (отметим, что в [Воронцова 1979: 184] для этого примера предпочитается версия энклитики) и уроженца южной Сибири (ныне Казахстан) Васильева. Имеется также приведенный выше практически надежный пример финальной акцентуации в амфибрахии А. К. Толстого (*Тебе не было бы того же!*); возможно, известную роль в этом играет то обстоятельство, что Толстой вырос и долгие годы прожил в Черниговской губернии.

Что касается переноса ударения на первый слог в форме женского рода прошедшего времени (*была*), то оно впервые дважды встречается у раннего Кантемира в силлабической женской рифме («Драматический отрывок», 1728, рифма: *мила*, первая редакция Сатиры II, 1731, рифма: *слыла*); впрочем, за ним может стоять не реальное разговорное ударение, а только поэтическая условность (в частности, полонизм), что не редкость при рифмовке виршей (см. [Панов 1990: 334; Корчагин 2008]). Однако в дальнейшем словоформа *была* с сильным местом на первом слоге встречается в разные периоды в различных контекстах (в основном полнозначных), где возможен как переход в статус клитики, так и нестандартное ударение. Ударение на корне можно усматривать в случаях: *Где была голова, там сто голов растёт* (Княжнин, 1765; в противном случае пришлось бы предполагать анапестический перебой «французского» типа или единственное ударение на трех словах в полустипитии александрийского стиха), *И проклинанья выпил... но то была / Лишь тень промчавшегося быстро мига* («Странствующий жид» Жуковского, 1851–1852, белый 5-ст. ямба, ударная константа), возможно, *Жизнь была чудно хороша* (Кукольник, 1832–1833; в противном случае несколько необычен пропуск двух схемных ударений на двух первых графических словах VI формы 4-ст. ямба), *Была баба в юбке, / Была баба в шуб-*

ке, / *Была* баба в панталонах, / *Стала* – без <...> Баба *была* ряба, Но боялась баба («Баллада о барабанщике» Сельвинского, 1931, с преобладающим, но далеко не полностью регулярным «барабанным» полнударным хореическим ритмом). В. Л. Воронцова [1979: 182] ссылается также на пример ударения *бы́ла* у Полонского. Для трактовки этих данных нужны дополнительные стиховедческие и историко-диалектологические исследования.

Другие случаи допускают энклитическую трактовку: 4 примера у Радищева (по два в «Бове» и «Песни исторической» при 12 *бы́ла* в этих же и других произведениях), *Была* дева — стали *щи* (Заболоцкий, 1929). Что касается примера *Пора* золотая / *Была*, да сокрылась; / *Сила* молодая / *С телом* износилась (Кольцов, 1837), то это перебои на первой стопе, обычные в «народном» хорее от Кольцова до Багрицкого.

3.3. Энклитизация: связка при предикативе и кратком прилагательном

Переход форм глагола *быти* по крайней мере в неполнударные (кроме тех, что перешли в энклитики ранее) следует предполагать активным уже в среднерусский период; так, в акцентуируемых рукописях на них гораздо чаще пропускается ударение [Зализняк 1985: 202].

В поэтическом корпусе отмечено 22 примера энклитического *было*, *были* при предикативах⁶ и кратких прилагательных (строки типа *Хорошо было* детинушке / *Сыпать ласковы слова*, Некрасов, 1861⁷ или *И скверы жалкие были*

⁶ К предикативам мы относим также фразеологизмы типа *по колено* или *в честі*.

⁷ В. Л. Воронцова [1979: 185] утверждает, что у Некрасова будто бы зафиксировано ударение *бы́ло*. Всего у него, кроме этого примера из «Коробейников», есть 4 примера *было* с сильным местом на втором слоге при предикативах и кратких формах (все в ранних стихах, из них 3 в сказке «Баба-яга»), но все их можно считать энклитиками (не говоря уже о четырех примерах безударной частицы *было*).

полны луной, Поплавский, 1935), то есть примерно 1% от общего фонда таких сочетаний. В то же время в поэтическом корпусе не встретилось вообще ни одного надежного сочетания энклитической связки *было* или *были* с формой творительного падежа (только ударный слог на сильном месте, типа пушкинских примеров *Излишним было б для меня трудом* или *Вы dedu были другом*, — или два слабых места в трехсложнике типа никитинского анапеста *Уж и так мои дни были днями потерь*)⁸. Такое соотношение сочетаемости статистически значимо (двусторонний критерий Фишера при $P < 0,05$; данные М. А. Холодиловой).

Первый пример перехода *было* (-и) при предикативе в статус энклитики — анонимная элегия 1757 г.: *Сладчайши те уста лобзай, целуй стократно, Которых уж мне мед столь пить было приятно!* Примерно в то же время отмечено и сочетание с кратким прилагательным: в одном и том же ямбическом тексте Княжнина 1765 г. представлено *Готовы все были* и *Уже готовые уста были отверсты*. Наиболее частотные краткие формы в этой конструкции — *готов* и *должен*, ср. *Где по моим / Предположениям должно было пройтй / Число неизреченного...* (Олейников, 1935).

При этом имеется также совершенно надежный пример конечного ударения для связки при предикативе в позиции рифмы у украинца Капниста (*не можно / Усумниться мне было*; см. выше, раздел 1). Это наглядно показывает, что конечное ударение, а не переход в статус клитики у некоторых поэтов возможно и в таком случае. Скорее всего, надежен также пример из уроженца Льгова Н. Асеева: *Нам море было по колени* (поэма «Маяковский начинается», 1936–1939, размер которой, по словам М. Л. Гаспарова — «4-иктный дольник, хотя и выглаженный почти до амфибрахия» [Гаспаров 1984/2000: 177]; нестандартное ударение поддерживается еще и паронимической связью с предыдущей сло-

⁸ Для безударного односложного *был* по крайней мере один такой надежный пример есть: рифма *таким был : символ* у Л. Мартынова.

воформой *было́го*). В. Л. Воронцова [1979: 184] также ссылается на Асеева (и Сельвинского), утверждая, что их произведения «подтверждают несомненность» ударения *было́*. Несколько примеров в этом смысле неоднозначны, например, у двуязычного украинского и русского поэта Е. Гребенки: *Целу ноченьку мне спати было невмочь* (1841) или у него же в том же году *Луга были не кошены*. Отметим пример из ранних стихов киевлянина И. Эренбурга (1910): *Как будто серебром и редкими камнями / Были усыпаны песчаные дорожки* — где мы имеем дело или с ударением *были́*, либо с необычным использованием этой словоформы в качестве проклитики, а не энклитики (ср. похожий сложный случай у Кантемира, раздел 4).

Энклитическое односложное *был* при кратких формах однозначно выявляется только с 1860-х гг., когда такие сочетания становятся допустимы в клаузуле (*любíм был* в нерифмованной строке Плещеева), хотя, безусловно, существовало и гораздо раньше. Всего в корпусе 36% вхождений словоформы *был* (не считая случаев после *не* и *ни*) в силлабо-тонических текстах находится на слабом месте в строке (для полнозначных односложных словоформ этот показатель гораздо ниже — 9% для *ждет*, 10% для *стол* или *час*, 12% для *мир*, 19% для *шел* и даже для полувспомогательного глагола *стал* в полтора раза ниже, 24%). Первые такие примеры встретились практически сразу же после силлабо-тонической реформы, и именно с краткими формами (*Для того, что слуху тот весь был не угоден* в хорее Тредиаковского, *Велик был Игорьь, хоть и млад* в ямбе Ломоносова). Между XVIII и XIX веками данный показатель существенно вырастает (с 29% до 38%). Конечно, этот эффект связан, помимо усиления перехода этих словоформ в безударные или неполноударные, также с изменениями в русском стихе как таковом. В трехсложных размерах слабых мест больше, чем в ямбе или хорее, между тем в XVIII в. трехсложники были почти не употребительны; в ямбе про-

пусков метрических ударений больше у Пушкина, чем у Ломоносова, и т. д. Но, например, влияние экспансии трехсложных размеров, хотя и является заметным, всё же не носит решающего характера: при подсчете только по двусложным метрам процент слабого *был* в XIX в. всё равно заметно повышается, пусть не до 38%, а только до 35%. Не радикально и различие между слабым *был* в ямбе (40%) и хорее (33%); см. выше (раздел 2) о гораздо более значительном различии между ямбом и хореем с точки зрения ударности словоформы *есть*.

3.4. Энклитизация: конструкция

Мне петь было о Трое

Словоформа *было* регулярно выступала в XVIII в. как энклитика также и в составе конструкции долженствования с инфинитивом и факультативным субъектом в дательном падеже (например, *Мне петь было о Трое*, Ломоносов, 1756–1761; *Ах! Беречь было монету / Белую на черный день*, Державин, 1799; *Ах! Не клевать было пшеницы / Вам бедным птишкам золотой!*, он же, 1800).

Интересен пример дативно-инфинитивной конструкции из комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779), «низкий штиль» которой ориентирован на воспроизведение простонародных речевых масок средствами орфографии. Здесь отражающая безударность и фонетическую редукцию орфографическая форма *бола*, помимо трех прозаических примеров, соответствующих частице *было* в составе бывшего плюсквамперфекта (реплики Мельника и Филимона), встречается также в песне Фетиньи, задолго до Кольцова написанной «кольцовским пятисложником»: *Ах! на что́ ж бола, ах! к чему́ ж бола / Мне на свете быть, / Во кручине жить*. В то же время в репликах этих же персонажей в остальных контекстах выступает стандартное *было*, включая хореическую песню *На заре то было да на утренней* (см. [Сичинава 2012]).

Действительно, ряд семантических и формальных признаков объединяют *было* в составе этой конструкции с *было*, восходящим к плюсквамперфекту (см. ниже, раздел 4), в частности, сближение с ирреальным наклонением, семантика упущенной возможности (не случайно междометие *ах!* в трех примерах) и возможность замены в определенных контекстах *было* на *бы* (ср. продолжение цитируемой ломоносовской строки: *О Кадме мне бы петь*). Ряд словарей (включая [Словарь XVIII]) считает эти два *было* единой лексической единицей. Однако конструкция *было* + инфинитив имеет парадигматические соответствия в настоящем и будущем времени: *Мне идти – Мне было идти – Мне будет идти*, для последнего ср. *Теперь мне будет терпеть убыток, который пришел очень некстати, затем что в деньгах у меня и без того избытка нет* (Д. И. Фонвизин. К родным, 1763–1774). Это предполагает здесь именно связку *быть*, а не особый показатель.

В XX в. безударное *было* с инфинитивом встретилось только в контексте отрицания (типа державинского *не клевать было пшеницы*): *Молока́ было не пить, / Чем так подло поступить* (Анненский, 1900-е), *И не слéзть было с горы* (Мандельштам, 1930).

3.5. Энклитизация: инфинитив *быть*

Процент вхождений словоформы *быть* в слабой метрической позиции в корпусе такой же, как и для словоформы *был* (не после частиц *не* и *ни*) — 36%. В целом энклитизация инфинитива *быть*, насколько можно судить даже по опосредованным данным силлабо-тонической поэзии, переживает резкий подъем на рубеже XVIII в. (22% на слабой позиции) и XIX в. (39%)⁹; в XX в. по сравнению с XIX уровень уже стабилен (41%). Тип кривой похож на эволюцию ритмичес-

⁹ Учет только двусложных размеров «срезает» в XIX–XX вв., как и в случае со словоформой *был*, лишь 3%; очевидно, усиление энклитического статуса инфинитива налицо и в языке.

кого статуса словоформы *был*, но выражен сильнее (см. выше, 3.3).

Словарь [ОС 1983: 57] указывает на безударность инфинитива *быть* в сочетаниях *должно́ быть*, *мо́жет быть*, *быть мо́жет*, *ста́ло быть*. Ударение *до́лжно бы́ть* отмечено начиная с Третьяковского, в том числе до 1804 г. неоднократно в позиции мужской рифмы (что важно для акцентуации односложного слова); последние примеры начального ударения в этом сочетании представлены у Брюсова и Кузмина. *До́лжно бы́ть* в большинстве случаев означало собственно долженствование, хотя встречалось и в значении вводного слова (Хемницер, неоднократно у Мятлева). *До́лжно́ быть* в поэтическом корпусе впервые отмечено в 1812 г. со значением долженствования (Жуковский: *О друг! служенье Муз / Должно́ быть их достойно*; отсюда реминисценция у Пушкина, 1825 г.: *Служенье Муз не терпит суеты, / Прекрасное должно́ быть величаво*); в том же 1825 г. первое употребление в значении вводного слова (Полежаев); к 1842 г. относится первый пример этого сочетания в женском окончании (белый стих Огарёва), что гарантирует безударность *быть*.

Вводное *мо́жет бы́ть* отмечено в мужской рифме начиная с 1769 г. и представлено неоднократно у классиков (*Хоть не теперь, а в детстве, может быть* у Грибоедова, *Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить* у Тютчева, *О нем два сердца, может быть, / Еще грустят...* у Пушкина, десятки примеров у Лермонтова и т. п.); с тех пор оно не уходило ни из поэзии, ни из разговорной речи. Первое *мо́жет быть* с *быть* на слабой позиции встретилось у того же Жуковского (1816, «Красный карбункул», гекзаметр), первое однозначное свидетельство безударного *быть* в этой конструкции (*мо́жет быть*) отмечено в белой дактилической клаузуле у Мятлева (1839; то есть у того же поэта, который употреблял в качестве вводного *до́лжно бы́ть*), в дальнейшем не-

сколько раз такие окончания представлены в авангардной поэзии XX в.

Ударение *стáло б́ыть* представлено в рифме несколько раз в XIX–XX вв. (от А. Майкова до Кирсанова), а *стáло бывать* — в XX в. у Корнилова (рифма к *разжалобить*) и того же Кирсанова (рифма к *старые*), но материала тут слишком мало для каких-либо хронологических заключений.

3.6. *Не б́ыл и ни б́ыл*

В литературной норме устойчиво сохраняется перенос ударения на частицу в сочетаниях *не́ был(-и, -о)*, *ни́ был(-и, -о)*; при этом сочетание с частицей *ни* почему-то не отмечено в словаре [ОС 1983]. В XX в. частица *ни*, как известно, активно вытесняется словом *не*; проникает эта замена и в стихи¹⁰.

Ударение *не б́ыл(-и, -о)* (на фоне преобладающего во все периоды *не́ был*) встречается у нескольких поэтов в XVIII–XX вв., причем 8 из 14 случаев — в рифме: *Точишь млеко, мед и веселье мило, / Какого нигде истинно не б́ыло* (Треди-

¹⁰ М. В. Панов приводит примеры советских стихотворений с мнимой диссонансной рифмой типа *ни был : небо* [Панов 1964: 156–157], представляющие собой результат нарушающей рифму редакторской правки *не на ни*. Тридцать лет спустя к этой теме в алармистском ключе возвращается Вл. Новиков: «Важно при этом отметить, что в устной речи образованной публики тогда [во время написания книги Панова. – Д. С.] повсюду звучали правильные варианты: “где бы я ни был”, “кто бы ни был этот человек”, “что бы там ни было”. Теперь же, слыша по радио или по телевидению частицу “ни” в ударной позиции, я радостно подпрыгиваю: кто же это у нас такой душка, такой мастер родной речи? Ибо правильность здесь стала редкостью, хотя ни малейших оснований для пересмотра данной нормы нет и быть не может. А совсем недавно я был просто убит, прочитав в очень приличном журнале стихи с тройной рифмой “хлеба” – “не был” (конечно, вместо правильного “ни был”, и притом ошибка уже никем не исправлена) – “небо”. Кто автор? Один из крупнейших авторитетов современной культуры, так что имя его я не открою даже под пыткой. Для меня в данном случае важнее само явление, весьма и весьма грустное...» (Вл. Новиков. Ноблесс облич: о нашем речевом поведении. Новый Мир. 1998).

аковский, «Стихи похвальные Парижу», 1728), *Почто великих дел свидетелем не был* (Пушкин, «На возвращение Государя из Парижа», 1815; рифма: *почил*). Один из этих примеров – в составе фразеологизма: *Казалось, до того я в свете был не был* ‘как будто бы не жил по-настоящему на свете’ (Львов, «Отрывок из письма к А. М. Бакунину», 1796). Схожее контрастное выделение глагола (и тоже в рифме) встречаем и в XX в.: *Я только буду, но еще не был* (Сельвинский, 1920), *Словно были и не были* (Кузмин, 1927). О брюсовском примере *Не был ли принят в счёт щедрот* (1920) уже сказано выше (раздел 1), что в этом случае вероятен перебой.

Ударение *ни был(-и, -о)* также представляет собой уже существовавшую к началу XVIII в. инновацию, которая, однако, затем уходит из языка: в XVIII в. — 11 примеров, в XIX в. — два (Жуковский и А.К. Толстой), после 1869 г. — ни одного.

4. Частица *было*

Особое место в этой картине занимает элемент *был*- в составе славянского сверхсложного плюсквамперфекта (*пошелъ (есмь) былъ*), который к XVII в. утратил в великорусском центре согласование, превратившись в частицу (*пошел было*); согласование осталось в северных говорах, а также в украинском (*пішов був*), белорусском (*пайшоў быў*) и под их влиянием в русском просторечии Украины и Беларуси. Еще в древнерусский период вспомогательное *был*- в составе плюсквамперфекта стало энклитикой самого низкого ранга, причем его энклитический статус установился не вполне прочно [Зализняк 1993: 285–286; 2008]. Безударная частица *было*, лексически отграничиваясь от глагола *быть*, в XVII–XVIII вв. могла записываться на акающей территории как *бола*, *боло*, *балъ* и т. п. [Сичинава 2012]; как мы уже видели (см. выше, 3.4), запись *бола* могла использоваться и для безударного *было* в составе инфинитивно-дательной конструк-

ции. Словарь [БАС 1948] аттестует современную частицу *было* как безударную; то же дают и работы [ОС 1983: 57] («произносится без удар.») и [Зализняк 1993: 285]; вместе с тем, в XX в. увеличивается количество случаев акцентуации и пунктуационного обособления этой частицы (подробнее см. [Сичинава 2013]).

XVIII–XIX вв. — это период, когда частица *было* еще в основном соблюдает закон Вакернагеля, в частности, нередко употребляется в дистантной препозиции, не встречается в начале предикативной группы (подробнее см. [Сичинава 2012]). Показательны случаи, когда у одного и того же автора частица и глагол *было* акцентуированы по-разному. Особенно интересен в разных отношениях замечательный пример из Львова:

Меня было ошаломило...
 Ударясь в стену головой
 И став, как надобно, шальной,
 Какой-то скользкою тропой
 Я шел и долом и горой;
 И так было мне любо было
 В чаду, в тумане колесить!
 (Н.А. Львов. Фортуна (Эпистола
 к А.М. Бакунину, 1), 1797).

Помимо характерных для XVIII в. и не свойственных современному языку грамматических употреблений в конструкции с частицей *было* связки *быть* и безличного глагола *ошаломить* (см. [Сичинава 2012]), в этом пассаже имеется прямое акцентологическое противопоставление безударной клитики *было* (дважды) и полноударной словоформы *бѣло* (в позиции ударной константы в рифме). Кроме этого стихотворения Львова, безударное *было* в составе данной конструкции, противопоставленное ударному (не считая особой конструкции *чуть было не*, где *было* также не акцентуруется), отмечено в XVIII в. у Рубана, Ржевского, Муравьева, дважды у Хемницера, несколько раз в «Елисее» В. Май-

кова; в XIX в. у Крылова (*Позáвтракать было совсем уж собралась*), Пушкина (в «Бове»: *Рот открьл было*), в куплетах Некрасова, у Никитина («Кулак») и др.; по-видимому, не случайно тяготение этой конструкции к низким жанрам (ироикомиическая и бытовая поэма, сатира, басня). Интересно употребление безударной частицы у А. Майкова в его переводе «Слова о полку Игореве» (*То они зло лихо разбудили, / Усыпíл было его могучий / Святослав, князь Киевский великий*) в соответствии с древнерусским плюсквамперфектом оригинала (*Ти бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодь, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий кievский*). В XX в. нам известен пока только один пример этой конструкции в стихе — у Сельвинского (1942).

Обращение к поэтическому корпусу позволяет обнаружить примеры конструкции с *было*, которые нельзя выявить при помощи грамматической разметки с неснятой омонимией. Так, исключительно при помощи стиховых параметров находятся два примера конструкции, в которой частица *было* сочетается с нулевым глаголом (со значением движения, попытки, резкого изменения), ср. в прозе: *Акакий Акакиевич еще было насчет починки* (Гоголь, Шинель, 1842):

Онá было назад к своим (Крылов, Ворона, 1823)

Я от него́ было и двери на запор (Грибоедов, Горе от ума, 1824).

Оба этих примера старше самых ранних прозаических примеров *было* не со словоформой прошедшего времени изъявительного наклонения (сочетания с причастиями и деепричастиями пока известны в прозе только начиная с 1830-х гг. [Сичинава 2012]). Таким образом, именно стих документирует окончательный отрыв *было* от показателя плюсквамперфекта и превращение его в грамматикализованную частицу.

В материале поэтического корпуса обращает на себя внимание необычный пример *было* в качестве проклитики —

в начале силлабической строки после enjambement, при том, что и семантически контекст для конструкции с *было* весьма необычен:

Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;
Пришел к воротам, нашел, что спит как убитый
Мужик с ружьем, который, как потом проведал,
Поставлен был вход стеречь; еще не обедал
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уж улица тесна
Была от лежащих тел.

(А.Д. Кантемир. Сатира V. На человеческие зло-
нравия вообще. Сатир и Перьерг, 1731–1743)¹¹.

Именно этот пример из Кантемира у П. С. Кузнецова является единственной иллюстрацией «давнопрошедшего времени в старом значении, а именно в значении просто действия, предшествующего другому действию» в литературном языке начала XVIII в. [Кузнецов 1953: 244], в то время как другие примеры таксисного употребления плюсквамперфекта в русском языке этого периода практически отсутствуют (см. подробнее [Сичинава 2012]). Можно связывать это явление с украинской выучкой Кантемира, обусловившей ряд других искусственных явлений в его стихе [Корчагин 2008], но, может быть, нелишне также указать на существование в ряде изданий в этом месте разночтения, при котором словоформа *было* исчезает, а тем самым и обе связанные с ней трудности — акцентологическая и семантическая: ... *еще не обѣдалъ / Тогда народъ...* — такая редакция принята, в частности, в «Сочинениях Кантемира» в издании А. Ф. Смирдина (СПб., 1847. С. 113). Вариант с *было* принят во всех изданиях Кантемира, включая научные, с конца XIX в. Конечно, вполне вероятно, что *тогда* вместо *было* представляет собой позднюю редакторскую замену нестан-

¹¹ Обсуждаемый текст появился не ранее 1737 г., когда Кантемир начал работу над второй редакцией сатиры; в первой редакции 1731 г. этих строк нет.

дартного употребления частицы (принцип *lectio difficilior*), так что для решения этого вопроса нужно особое текстологическое исследование. Во всяком случае, перед нами пример, когда стих и грамматика совместно могут поставить вопрос о необходимости текстологического решения.

Необходимо отметить и обнаруживаемый средствами поиска по поэтическому тексту пример маргинальной конструкции с частицей *было*, синонимичной *бывало* (см. подробнее о таких маргинальных конструкциях: [Сичинава 2010; 2013]). Имеется в виду повторяющееся *было* у Кольцова в дактилической клаузуле пятисложника: *У тебя ль, было, / В ночь безмолвную / Заливная песнь / Соловьиная...* (и дальше еще два раза *У тебя ль, было...*; «Лес», 1837). Здесь *было* имеет не плюсквамперфектное происхождение, а развилось из полнозначного глагола со значением ‘было так, что’; подобное *было*, синонимичное *бывало*, редко, но устойчиво отмечается в текстах (литературных и диалектных) XVIII–XX вв.

Таким образом, обращение к поэтическому корпусу позволяет серьезно дополнить документацию акцентной истории глагола *быть* и его производных в XVIII–XIX вв. Стиховедческая, акцентологическая, грамматическая и другие типы информации в ряде случаев плодотворно дополняют друг друга и стимулируют дальнейшие поиски.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И., Ожегов С.И. (ред.) Русское литературное произношение и ударение. М., 1959.
- БАС 1948 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1948.
- Воронцова В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XIX веков. Формы словоизменения. М., 1979.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. 2-е изд. М., 2002.
- Еськова Н.А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. М., 2008.

- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319
- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Том II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель. М., 2011.
- Касаткин Л.Л. (ред.) Русская диалектология. М., 2005.
- Корчагин К.М. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка как акцентологический источник // Материалы международной конференции «Диалог 2008». М., 2008 (<http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/pdf/Korchagin.pdf>).
- Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка: морфология. М., 1953.
- Огиенко И.И. Словарь ударений в русском языке и правило русского ударения. Киев, 1911.
- ОС 1983 – Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983.
- Панов М.В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.
- Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- САР II 1809 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть II: Д – К. СПб., 1809.
- Сичинава Д.В. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 192–200.
- Сичинава Д.В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2. С. 257–284.
- Сичинава Д.В. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб., 2013. С. 175–194.
- Словарь XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–.